

ОСЕТИНСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ И ИХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В XVIII–XIX ВВ.

Валерий Дударович Дзидзоев

Горский государственный аграрный университет, Владикавказ, РСО-Алания, Россия,
dzidzoevv@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается малоисследованная страница истории Южной Осетии XVIII–XIX вв. – сложные и противоречивые отношения грузинских князей Мачабеловых, Эристовых с трудовым крестьянством Южной Осетии, других грузинских территорий, где компактно проживали осетинские крестьяне. В указанный период существовало четкое различие категорий крестьян, которые несли различные повинности в пользу князей, других землевладельцев. Крестьяне Южной Осетии делились в зависимости от происхождения и социально-экономического положения на «мквидри», «мсахури», «наскиди», «нацкалобеви», «богано», «хизаны», крепостные и т.д.

Ключевые слова: хизаны, крепостные, Южная Осетия, князья, азнауры, тавады, Мачабеловы, Эристовы, землевладелец, феодал

Для цитирования: Дзидзоев В. Д. Осетинские крестьяне Южной Осетии и их политико-правовое положение в XVIII–XIX вв. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 3. С. 27–36. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-3-27-36>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

OSSETIAN PEASANTS OF SOUTH OSSETIA AND THEIR POLITICAL AND LEGAL SITUATION IN THE 18th-19th CENTURIES

Valeriy D. Dzidzoev

Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, RSO-Alania, Russia, dzidzoevv@mail.ru

Abstract. The article deals with a little-studied page of the history of South Ossetia in the 18th-19th centuries. – the complex and contradictory relations of the Georgian princes Machabelov, Eristov with the working peasantry of South Ossetia, other Georgian territories where Ossetians densely lived. During this period, there was a clear distinction between the categories of peasants who carried various duties in favor of princes and other landowners. The peasants of South Ossetia were divided depending on their origin and socio-economic status into “mkvidri”, “msakhuri”, “naskidi”, “natskalobevi”, “bogano”, “khizans”, serfs, etc.

Keywords: Khizans, serfs, South Ossetia, Tavads, Machabelovs, Eristovs, landowner, feudal lord

For citation: Dzidzoev V. D. Ossetian peasants of South Ossetia and their political and legal situation in the 18th–19th centuries. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(3):27–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-3-27-36>

История Южной Осетии полна «белых пятен». В силу многих объективных причин и субъективных обстоятельств история этого уникального региона до сих пор остается недостаточно исследованной. С научной точки зрения, к числу наиболее неисследованных проблем следует отнести, по нашему убеждению, самые сложные, противоречивые и тяжелые взаимоотношения грузинских князей Мачабеловых, Эристовых и других со своими

подвластными крестьянами Юго-Осетии. Сразу подчеркнем, что князья-эксплуататоры относились к грузинской нации, а эксплуатируемые, причем беспощадно, трудовые крестьянские массы были представителями осетинской нации.

Таким образом, за многие годы совместного проживания на единой территории здесь сформировались не только глубокие социальные различия, но и четко выраженные межнациональные разногласия. Обращаем внимание, что в Южной Осетии в отличие от Северной, не было осетинских феодалов, т.е. алдаров у осетин-иронцев, и баделят у осетин-дигорцев. Принципиальное отличие между Севером и Югом Осетии в этом плане состоит в том, что на Юге Осетии не было осетинских феодалов – эксплуататоров безземельных и малоземельных крестьян.

Как было подчеркнуто выше, земельными собственниками на территории Южной Осетии и в близлежащих грузинских территориях были этнические грузины. В свою очередь крестьяне Южной Осетии делились на несколько категорий, как и крестьяне Северной Осетии. На Юге Осетии, как и по всей Грузии в XVIII в. существовало четкое различие категорий крестьян в зависимости от происхождения и социально-экономического положения: «мквидри», «мсахури», «наскиди», «нацкалобеви», «богано», «хизаны» и другие [1]. Кроме того, здесь были крепостные и государственные крестьяне, а также холопы. Каждая из этих категорий крестьян заслуживает особого внимания хотя бы потому, что в правовом отношении они отличались друг от друга. Заметим и то, что единая Осетия без деления на северных и южных присоединилась к Российской империи в 1774 г. Что касается разделения Осетии на Север и Юг, то оно произошло только в мае 1920 г. Напомню, что меньшевистская Грузия отделилась от РСФСР в 1918 г., а в мае 1920 г. был подписан первый Договор между РСФСР и Грузинской Демократической Республикой, в составе которой осталось Южная Осетия [2].

Анализируя проблемы Южной Осетии, история которой значительно слабее изучена, по сравнению с северной частью единой во всех отношениях Осетии, необходимо подчеркнуть огромное влияние грузинских князей, азнауров (мелких феодалов), тавадов (аристократов) и т.д. Все они были владельцами земли и поэтому держали в строгом подчинении крестьянские массы не только грузин, но и осетин. В политическом и правовом отношении они находились в подчинении не только у грузинских князей, но и азнауров (грузинских мелких феодалов), других влиятельных хозяев земли. Напомню, что они по своему, как и владельцы земель на Северном Кавказе, эксплуатировали трудовое крестьянство. Вахушти Багратиони (1695 или 1696–1784), большой знаток истории Грузии и некоторых других стран Кавказа, подчеркивал, что «земля Осетии мало плодородна, так как кроме пшеницы, осеннего сорта ячменя и овса, другие злаки не рождаются» [3].

Известный грузинский историк и географ XVIII в. имел в виду южную часть Осетии. При этом он добавлял, что «посевы тоже незначительны по малоземелью и скалистой местности. Если же пойдёт град, что бывает тут часто, терпят сильный голод» [3, с. 68]. Заметим, что для своего времени Вахушти Багратиони, побочный сын грузинского царя Вахтанга VI, автор исторического сочинения «Сакартвелос цховреба» («Жизнь Грузии») оставил заметный след в объективном изучении не только Грузии, но и близлежащих территорий, где проживали негрузинские народы, в том числе южные осетины [4].

На протяжении всего XVIII в. осетины Южной Осетии вели хозяйство, типичное для горных районов всей Грузии. В хозяйстве южных осетин в то время отсутствовали виноградники и плодородные сады. Замечу и то, что жизнь крестьян Южной Осетии, а там других категорий населения и не было, была сплошной ежедневной мучительной борьбой за существование. Крестьяне испытывали невероятные трудности во всём, начиная от тяжелейшего сельскохозяйственного труда, природных катаклизмов и заканчивая беспощадной эксплуатацией со стороны грузинских князей, азнауров и других влиятельных хозяев земли.

Значительно лучше было положение тех осетин, которые жили на равнине. Земля на равнине, разумеется, была намного плодороднее и давала возможность крестьянам

не только прокормить себя, но и создать определенные продовольственные запасы. Периодически царские власти Грузии прибегали к закупке хлеба у крестьян, которые жили на равнине, в том числе у южных осетин. Так, в 1795 г. царь Картли – Кахетии Ираклий II объявил жителей Цхинвала и окрестных сёл (Арцев, Кере, Дисев, Ксуиси, Сатикар, Сатемо, Квешви, Сацхенети, Ванати, Корди, Ередви, Броцлети, Ергнет, Сабацминда, Хеити, Дзарцеми, Кемерта, Кехви, Курта, Ачабети, Тамарашени, Дгврис и др.) заготовить муку для продажи русским войскам, прибытие которых ожидалось в том году. Ираклий II в 1759 г. купил двести харвари хлеба в Цхинвали [5]. К этому следует добавить, что осетинские селения появились к концу XVIII в. не только на территории Южной Осетии (тогда еще не было такой административной единицы), но также в ближайших грузинских территориях, например, в Картли. Как правило, они вели активную хозяйственную жизнь, и их положение постепенно стало улучшаться. Феодалные и государственные повинности крестьяне Южной Осетии платили зерном, а небольшую часть даже оставляли на продажу.

Царь Картли – Кахети Георгий XII писал в 1800 г. графу Мусину – Пушкину в Санкт-Петербург, что для рабочих предполагаемого горнорудного производства «хлеб мы сможем достать в Картли, Кахети, Куанахе, Борчало и у наших крепостных осетин по существующей цене» [6]. Здесь важно подчеркнуть, что не только Георгий XII, но и все представители грузинской знати считали южных осетин своими крепостными крестьянами, о чем подробнее речь пойдет ниже. Отметим и то, что осетинские крестьяне, как и грузинские, делились на несколько категорий и, конечно же, не все они были крепостными.

Большое место в хозяйстве южных осетин занимало скотоводство, они разводили коров, быков, овец, коз, свиней, лошадей. Тем не менее, скота не хватало в равнинных сёлах Южной Осетии. Вахушти Багратиони свидетельствовал, что на каждый дом приходилось в среднем: овец от двадцати до ста, лошадей и коров от десяти до сорока [3]. Зимой горцы-осетины и горцы-грузины перегоняли свои отары на равнину – на просторные владения князей Мухранбатони и Амилахвари, которым за пользование пастбищами давали определенную плату [7]. Здесь важно подчеркнуть, что Вахушти Багратиони имел в виду не только осетин, но и грузин, с которыми южные осетины на протяжении длительного времени проживали на одной территории, заключая не только родственные отношения между собой, но и создавая крепкие – хозяйственные и культурные связи.

Необходимо отметить и то, что в хозяйстве осетин Южной Осетии, имевший натуральный характер, большое место занимали кустарные промыслы и ремёсла. Все хозяйственные, бытовые и другие предметы, а также орудия труда производились на месте домашним способом. Тот же Вахушти Багратиони писал, что осетины «знают искусство выделывания кожи, тканье сукон, валяние их, приготовление хороших бурок. Знают ковать, слесарное ремесло, выделывать деревянные вещи, строить дома... Шитье их женщин отличается чистотою и добротою» [3, с. 111].

Анализ данной проблемы позволяет утверждать, что хозяйственные связи осетин с равнинными грузинскими районами в целом поощрялись грузинской аристократией и правящим классом. Подчеркнем и то, что значительная часть осетин отличалась личным мужеством, воинственным характером и справедливо считались прекрасными воинами на поле боя, что неоднократно демонстрировали в боях за свободу грузинских территорий. Таких осетин грузинская аристократия и правящие круги брали даже под свою защиту. Здесь главное состояло в том, чтобы, **во-первых**, южный осетин владел грузинским языком, а, **во-вторых**, он должен был выслужиться перед грузином, особенно если тот относился к высшему социальному сословию. Такие южные осетины, повторим еще раз, считались вполне «своими», и могли пользоваться определенными гарантиями, например, беспрепятственно проезжали по грузинским территориям с любыми вопросами, включая личные.

В качестве конкретного примера, которых в истории взаимоотношений двух соседних народов в XVIII–XIX вв. было много, приведем хотя бы грамоту Дахчиго Томашвили (Томаева), которую он получил в 1746 г. от Шанше Эристави (любопытно отметить, что

Эриста́ви, по архивным документам Грузии считались не грузинами, а осетинами) за то, что он «во время войны с Арагвскими эриставами много и честно служил нам (грузинам. – В. Дз.), чем только сможем, всегда будем с ним милостивы, и делать всего доброго. Будем по воле нашей приходить в наш дом и уходить. Пусть никто не обидит нас, в противном случае всех примем как согрешивших перед нами» [7]. Поясним, что Эриста́ви были княжеским родом на территории Грузии с XVIII в. Дословный перевод с грузинского: «эри» – «народ», и «тави» – «глава». Представители этой фамилии долгое время считались наследственными крупными феодалами, т.е. землевладельцами.

Еще один уникальный архивный документ, который касается царя Картли - Кахетии Ираклия II, издавшего 8 июня 1778 г. приказ, где говорится: «Когда осетин Боташашвили Эльбердуко (Боташев. – В.Дз.) захочет прийти к нам, подчиненные моему приказу люди пусть не преградят дорогу и никто другой в отношении его ухода и прихода не согрешит.... Теперь он идёт домой – не допускайте погрешности по дороге» [7]. Необходимо подчеркнуть, что крестьяне Южной Осетии, с одной стороны, подвергались серьезным притеснениям и интенсивной эксплуатации со стороны грузинских феодальных верхов, а, с другой, находили, хоть и с большими трудностями возможности для мирного сосуществования с грузинскими крестьянами, которых, кстати сказать, также беспощадно и жёстко эксплуатировали землевладельцы всех уровней.

Выше подчеркивалось, что грузинские князья Эристовы (Эриста́ви), Мачабеловы и другие, считавшиеся на территории Южной Осетии самыми крупными землевладельцами, пытались превратить осетинских крестьян Южной Осетии в крепостных. Однако, повторимся еще раз, не все крестьяне Южной Осетии были крепостными и это документально подтверждается. Значительная часть крестьян были хизанами, которых можно переводить как «приютившимися». На грузинских территориях хизанами называли крестьян, которые уходили от одного феодала и укрывались у другого землевладельца. В сущности хизанство можно назвать результатом усиления интенсивной феодальной эксплуатации, которая имела место не только в Южной Осетии, но в целом и на грузинских территориях. Напомню и то, что в этот период не было единой и централизованной Грузии.

Изучение проблемы хизанства позволяет делать вывод о том, что данное уникальное и разностороннее явление можно охарактеризовать и как тяжелое положение крестьян с низким экономическим уровнем жизни. Конечно, в двух словах очень трудно определить статус крестьянина–хизана. Но не будет преувеличением и утверждение о крайне тяжелых условиях жизни и работы хизан, а также беспощадной их эксплуатации со стороны феодалов и других землевладельцев. Очень часто они вынуждены были искать более удобные места и с этой целью переходили от одного феодала к другому.

У грузинских крестьян, как и крестьян Южной Осетии, были так называемые тарханы, которые являлись фактически их привилегированной верхушкой. Тарханы, как правило, освобождались от помещичьих или государственных податей, тем не менее, на них возлагались конкретные обязанности в отношении своих непосредственных верхов, будь то князь, феодал или азнаур. Тарханы составляли основной источник служилых людей своих аристократов. Были и другие категории крестьян, которые известны в историографии не только Южной Осетии, но и Грузии как «наскиди» («купленный»), «тавнаскиди» («самопродавшийся») и «небиери» («добровольный»). Разумеется, как и некоторые категории крестьян на Северном Кавказе, они различались по нескольким факторам, например, происхождением, степенью свободы, имущественным положениям, формой и степенью зависимости от господствующего класса, содержанием выполняемых в пользу землевладельца повинностей и т.д. В основном лишь в этом их отличие от других категорий крестьян [5]. Обязанности крестьян, как правило, делились на «бегара» («повинности») и «самсахури» («служба»). В сущности бегара относится к натуральной подати, которая связана с использованием земель помещика. А, что касается самсахури, то оно носит характер и форму отработочной повинности в пользу землевладельца, например, сев урожая, заготовка сена, строительство дома или любого другого помещения и т.д.

Заметим и то, что в некоторых исторических документах, включая архивные, зафиксированы следующие положения, касающиеся осетинских крестьян. Он, осетин-крестьянин, должен служить своим господам, т.е. грузинским землевладельцам «по крепостному ряду» («батонкмобис риги») или по «общему положению» («саерто дебулеба») [5; 7]. Другими словами, данное положение нужно понимать как форму эксплуатации крепостных крестьян-грузин. Следует подчеркнуть, что в истории Грузии, в том числе и Южной Осетии, в XVIII в. были случаи, когда крестьянские семьи обязаны были давать феодалам членов своих семей [7].

Архивные и другие исторические документы не дают точного определения обязанностей помещичьих и государственных крестьян. Скорее всего, это связано с тем, что крестьяне этих категорий мало отличались друг от друга. Превращение помещичьих крестьян в государственных, на практике означало перемену господина, т.е. крестьянин переходил от одного хозяина к другому. Заметим и то, что повинности крепостных крестьян, проживавших в горах, отличались от повинностей таких же крестьян в равнинной части. Главными феодальными повинностями были «гала» («подать зерном»), «кулухи» («с виноградников»), «сабалахо» («с пастбищ») и «со скота» (мелкорогатого и крупнорогатого), подношение и т.д. Весьма интересные сведения по рассматриваемой проблеме обнаруживаются в исторических и архивных документах начала XIX в. Так, в «Описи имуществ царевичей» за 1803 г. подчеркивается, что владелец Арагвского ущелья Вахтанг Ираклиевич получил «с населения подведомственных ему грузино-осетинских сел деньги, хлеб, вино, топленое масло, овец, ягнят, свиней, кур, сено» [5, с. 80; 8].

Что касается помещичьих крестьян, то они кроме выплаты феодальных податей и повинностей, обязаны были еще отрабатывать и другие долги перед государством, т.е. перед царем. Их можно сформулировать как государственные подати: «кодис пури», «сабалахо», «нахиристави», «сепоба», «лашкар - надироба», «кешики», «саджинибо» и т.д. Кодис пури – это когда каждый двор был обязан платить три коди (1 коди равнялась 4 пудам) пшеницы или ячменя, сабалахо – подать за пользование государственными пастбищами для мелкого рогатого скота. Нахиристави – подать за пользование пастбищами для крупного рогатого скота. Пиристави – подать на стадо овец. Из ста овец брали одну. Сабазiero – подать курицей царскому сокольничьему. Саджинибо – в основном ягненок. Лашкар – надироба – участие крепостных крестьян в военных предприятиях и в барской охоте [4, с. 80].

Анализ данной проблемы не будет полным, если хотя бы коротко не сказать о том, что крепостные крестьяне несли еще повинности и в отношении иноземных завоевателей: 1. в пользу татар, которая называлась сататро; 2. в пользу дагестанских феодалов – салеко. Кроме того, отметим и то, что в равнинной части Южной Осетии и других территориях, где проживало осетинское население, оно обязано было платить «сурсати» зерном. А в горной части осетины платили скотом или деньгами, чего было крайне мало у крестьян. Осетинские крестьяне также отбывали повинности: 1. сазкlesiо (церковную) и 2. самохелео (в пользу чиновников).

Для полной ясности картины, относящейся к XVIII в., отмечу еще и то, что в отдаленных горных местах Южной Осетии должностные лица назначались из осетин, а в равнинной части – из грузинских азнауров (мелких феодалов). Эти назначенцы прилагали максимальные усилия для того, чтобы аристократические круги Грузии, в первую очередь землевладельцы, систематически и методично эксплуатировали своих крестьян. Конечно, сами осетинские крестьяне в пользу грузинских землевладельцев выплачивали кроме тех, о которых было сказано выше, целый ряд других специальных податей.

Приведем несколько конкретных примеров. Так, в XVIII в. значительное число осетинских крестьян жили и на территории Самухрано. Многие из них находились в крепостной зависимости от князей Туманишвили и Палавандишвили [1, с. 113]. Интересные факты зависимости крепостных крестьян на этой территории мы находим в так называемой «Договорной книге», выданной нескольким осетинам из фамилии Маргишвили (Маргиевы), где они называют грузинского князя Зураба Туманишвили «своим господином» и обещают ему быть покорным до конца жизни [1, с.113; 7].

В Центральном Государственном Архиве Республики Грузия хранятся в высшей степени интересные документы, проливающие свет на формы и методы эксплуатации грузинскими землевладельцами крепостных крестьян, в том числе и южных осетин. Так, уникальные документы содержат данные о крестьянах – осетинах, принадлежавших грузинским князьям Палавандишвили. Самое интересное в этих документах состоит, на наш взгляд, в формах и методах закрепощения крестьян – осетин. Архивный документ свидетельствует, что в 1783 г. Чоба и Апа Чибирашвили (Чибиловы) «добровольно» вступают в крепостную зависимость к грузинскому князю Гогия Палавандишвили. В первоисточнике подчеркивается «добровольный характер» крепостной зависимости, суть которой в следующих словах: «Мы не можем выплатить цену за кровь и закрепостили себя. Нас трое братьев – я, Чоба со своей женой, мой брат Апа и наша мать; Мы стали крепостными в счёт причитающихся тебе с нас цены за кровь» [1, с. 113; 9].

Обращаем внимание, что приведенный здесь документ, несмотря на свою уникальность и оригинальность, не является исключением из общих правил закрепощения грузинскими землевладельцами осетинских крестьян. Таких конкретных примеров было достаточно много, и они заслуживают, чтобы учёные-исследователи объективно и всесторонне их проанализировали. Можно отметить, что переселившиеся из Южной Осетии осетин на территории не только Самухрано, но и других грузинских территорий беспощадно эксплуатировали грузинские князья, азнауры, другие землевладельцы.

Ниже приводится еще один интересный архивный документ, свидетельствующий о том же. Документ подтверждает, что крепостными крестьянами грузинского князя Палавандишвили стали переселившиеся из Южной Осетии Кута Пилишвили (Пилиевы) и его внуки Кадина, Тоба, Мосе, Каисина и Канисина. В уникальном архивном первоисточнике сказано: «Пришли мы из Осетии (Южной Осетии. – В.Дз.) и стали твоими крепостными, и будем вашими верными слугами» [1, с. 113; 9]. Аналогичных примеров в истории Южной Осетии XVIII-XIX вв. было достаточно много, и они свидетельствуют не только о большой социальной напряженности, но и глубоких проблемах межнациональных отношений, так как осетинские крестьяне не могли не видеть в грузинских землевладельцах своих притеснителей и угнетателей. В то же время подчеркнем и то, что многие выходцы из Южной Осетии становились крепостными крестьянами и других грузинских землевладельцев, например, Херхеулидзе, Пурцеладзе [1, с.113] и др.

Выше подчеркивалось, что грузинские князья, в целом землевладельцы считали всех южных осетин крепостными крестьянами. Конечно, это было не так. Среди них было немало крестьян, которые считались, например, «богано», «хизаны», «нацкалобевы», «наскиди», «мсахури» и т.д. Отмечу, что разделение на четкие категории крестьян Южной Осетии имело свои объективные закономерности и особенности. Здесь всё зависело от происхождения и социально-экономического положения крестьянства. Правильно подчеркивают авторы «Очерков истории Юго-Осетинской автономной области», которые пишут: «Поскольку осетины находились в зависимости от грузинских феодалов, названные категории крестьян наличествовали и среди них» [1, с. 113]. Так, осетины, проживавшие в районе верховья Большой Лиахви, в Наро-Мамисонской котловине (на родине Коста Хетагурова) с входящими ее ущельями, принадлежали к категории государственных (казенных) крестьян [10].

Уже приведенный факт говорит о том, что южные осетины не все были крепостными крестьянами, как того хотели грузинские князья, в целом землевладельцы, добивавшиеся этого вплоть до середины XIX в. Заранее отметим, что 12 сентября 1852 г. правительствующий Сенат Российской империи окончательно признал свободу крестьян Южной Осетии и отказал грузинским князьям Мачабеловым в домогательстве признания крепостного права над осетинами. Более подробный анализ этого знаменательного факта в истории Южной Осетии будет сделан ниже. А пока вернемся к категории осетинских крестьян, которые вошли в историографию Грузии под именем «мквидри» («коренные»). Данная категория крестьян действительно были коренными осетинами, переселившимися на территорию Южной Осетии несколько веков назад. В последующие годы ряды этой

категории крестьян увеличивались за счёт других осетин, которые селились на землях грузинских землевладельцев. Это были крестьяне – осетины, которые различными путями приближались к своей заветной мечте – свободе и ограничению себя от беспощадной эксплуатации землевладельцев. Рост крестьян этой категории наблюдается на протяжении XVIII–XIX вв. При этом подчеркну, что росло количество этих крестьян различными путями. Как бы то ни было, но спустя десятилетия все они становились «мквидри».

Другая категория осетинских крестьян вошла в историографию под именем «тарханы». Выше уже подчеркивалось суть и значение этой категории крестьян, но здесь отметим еще раз, что они были привилегированной верхушкой не только осетинского, но и грузинского крестьянства, и они, как правило, освобождались (полностью или частично) от помещичьих или государственных податей. В то же время на них возлагались обязанности по отношению к своим землевладельцам. Очень часто эти обязанности были не формальными, а существенными. Для своих землевладельцев, особенно крупных, тарханы были основным источником служилых людей. Другими словами, любой землевладелец опирался чаще всего на своих тарханов.

Еще одна категория крестьян вошла в историографию под именем «наскиди» («купленный»). Таких крестьян было немало не только в Южной Осетии, но и в Северной Осетии, а Коста Хетагуров в историко-этнографическом очерке «Особа» их так и называл «æлхаед» [10]. Основоположник осетинской литературы и языка отмечал: «Æлхаед (купленный. – В.Дз.), саулаег (черный мужчина. – В.Дз.), цагъайраг (пленник. – В.Дз.) был еще больше обижен судьбой. Приобретенный где-нибудь на стороне, купленный или похищенный ребенком, или даже взрослым, взятый в плен во время набега в какое-нибудь отдаленное ущелье, всегда иной национальности, этот несчастный æлхаед делался жертвой полнейшего произвола своих хозяев, это был безусловный раб, которого можно продать, купить, убить и помиловать» [11]. Здесь нет особой необходимости разгадывать тайну «купленного крестьянина». Что на Северном Кавказе, что в Южной Осетии их статус был достаточно низким, и они фактически были бесправными. Другая категория крестьян именовалась «тавнаскиди» («самопродавшийся»). Об этой категории крестьян выше было сказано на примере осетина Маргишвили (Маргиевы), который в силу конкретных тяжелых обстоятельств вынужден был продать себя грузинскому князю Зурабу Туманишвили. Другой пример из того же разряда относится к крестьянам Южной Осетии Чибирашвили (Чибировым), которые «добровольно вступили» в крепостную зависимость к другому грузинскому князю Гогия Палавандишвили. Повторимся еще раз, что таких крестьян было много, и их социальная судьба была, конечно же, незавидной. Следующая категория крестьян Южной Осетии, как и всей Грузии, вошла в историографию под именем «небиери» («добровольный»). Само название этих крестьян свидетельствует о «добровольном характере» их зависимости от землевладельцев. Понятно, что степень добровольности еще нужно уточнить. В чём и насколько такой крестьянин мог быть «добровольцем» от своего хозяина – землевладельца? На этот вопрос учёные-исследователи пока не дают четких характеристик.

Следует особо подчеркнуть повинности крестьян, которые состояли из нескольких групп. К первой группе можно отнести **господские**, ко второй **государственные**, к третьей – **чиновничьи**, к четвертой **церковные** и, наконец, дань, а точнее говоря, повинности иноземным захватчикам [1, с. 114].

Обращаем внимание, что повинности крестьян по отношению к своим землевладельцам имели общее название «Служба крестьянина». Были и другие названия, например, «Крепостническая служба», «Повинность» («Бегара»), «Служба по крепостническому распорядку». Эти официальные документы, хранящиеся в различных архивах Грузии, в том числе в Центральном Государственном Архиве Республики Грузия оказывают значительную помощь учёным-исследователям, которые занимаются проблемами взаимоотношений грузинских князей, других землевладельцев с крестьянскими массами, в том числе крестьянами Южной Осетии. В них чётко зафиксированы права и обязанности не только землевладельцев,

но также и крестьян. Особая ценность их, на наш взгляд, состоит в правилах, которым должны были следовать крестьяне всех категорий. В первоисточнике прописаны крестьянские виды ренты: натуральная, отработочная, денежная [12].

Обращаем внимание, что в некоторых документах, хранящихся в архивах Грузии, имеются документы, в которых подчеркивается, что осетины должны служить своим господам, т.е. грузинским землевладельцам, по «крепостному распоряжку» («батонкмобис риги») или «по общему положению» («саерто дебулеба») [1, с. 115; 7]. Другими словами, данное положение предусматривает эксплуатацию крестьян в качестве крепостных. Выше подчеркивалось, что трудовое крестьянство Южной Осетии подвергалось на протяжении длительного времени со стороны грузинских землевладельцев беспощадной эксплуатации. При этом формы такой эксплуатации не всегда были понятны и самим крестьянам. Так, на осетин, спустившихся с гор на равнину, почти всегда возлагалась обязанность выплачивать в пользу землевладельца так называемый «гала», т.е. «хлебная подать». Повинности крепостных крестьян, которые жили в горах отличались от крепостных, проживавших на равнине. Основными феодальными повинностями на равнине были: гала – оброк (налог на зерновые), кулухи (налог на виноградники), сабалахо (налог за пользование пастбищами землевладельца), дзгвени (приношения) [1, с. 115].

Необходимо подчеркнуть и то, что о многолетнем противостоянии между грузинской знатью и осетинским крестьянством Южной Осетии знали не только на Кавказе, но и в Петербурге. Проблема осложнялась тем, что осетинские крестьяне неоднократно обращались во все административные и судебные инстанции, чтобы избавиться от притязаний грузинских князей Эристовых и Мачабеловых. Подчеркнем еще раз, что влиятельные грузинские землевладельцы добивались, чтобы осетинское крестьянство признало себя крепостными. Из-за этого несколько раз возникали крестьянские волнения, которые переходили в масштабные бунты. Тем не менее, грузинские князья, используя своё влияние и большие разносторонние связи с Кавказской администрацией Российской империи, центр которой находился в Тифлисе, постоянно добивались того, чтобы югоосетинское крестьянство признало себя крепостными.

В 50-е гг. XIX в. в противостоянии между грузинскими князьями и крестьянами Южной Осетии наместник Кавказа Михаил Семёнович Воронцов чётко встал на сторону грузин. Наместник Кавказа во многих своих документах, направляемых в Петербург, усердно подчеркивал, что князья Мачабеловы и их ближайшие сподвижники «усердно и верно служат Российской империи» [7, ф. Кавказского комитета, д. 844, л.80]. Ему бы также односторонне с позитивных позиций оценивать и многочисленные жалобы осетинских крестьян на грузинских князей, других землевладельцев. Между тем в жалобах осетинских крестьян разных лет одинаково подчеркиваются их невыносимые условия и тяжелейший быт в Южной Осетии.

Осетинские крестьяне видели все свои несчастья в беспощадной эксплуатации со стороны грузинских князей и тавадов. Тем не менее, наместник Кавказа не обращал особого внимания на нужды и многочисленные проблемы осетин. Заметим и то, что жалобы осетинских крестьян против грузинских князей дошли до департамента Сената Российской империи. Согласно его решению осетины Южной Осетии освобождались от феодальной зависимости князей Мачабели. Удивительно, но наместник Кавказа находил такое решение «недостаточно понятным», а кое в чём даже «сомнительным». Грузинские князья, конечно же, были возмущены таким решением Сената. В свою очередь М. С. Воронцов всячески пытался оказать через Императора России давление, а то и шантаж на Сенат. Откровенно говоря, наместник Кавказа добивался пересмотра решения Сената в пользу грузинских князей и других землевладельцев. Дело дошло даже до того, что некоторые важнейшие документы наместник Кавказа решил сфальсифицировать, убеждая не только Сенат, но и Императора Николая I в том, что «князья Мачабели имеют на руках феодальные права на собственность в Южной Осетии» [13, с. 235]. М. С. Воронцов категорично утверждал, что «совершенно доказано по документам и по историческим фактам, что осетины, о которых

идёт спор (речь идёт об осетинах Южной Осетии. – В.Дз.) явно принадлежали по крепостному праву Мачабеловым» [13, с. 235].

Приведенные здесь аргументы, к которым прибегал М. С. Воронцов, представляются незначительными по сравнению с его огромной и разносторонней работой по поддержанию грузинских князей и других влиятельных землевладельцев, которые прилагали огромные усилия для крепостного закабаления крестьян Южной Осетии.

М. С. Воронцов вместе с грузинскими князьями, другими высокопоставленными аристократами Грузии, добивался того, чтобы департамент Сената Российской империи отменил своё решение, принятое еще в январе 1851 г. [7, фонд Кавказского комитета, д. №844, л. 70]. Тем не менее, осенью 1852 г. Сенат снова обсуждал болезненный и запутанный вопрос, который касался крестьян Южной Осетии.

Сенат подтвердил, что летом 1851 г. на расширенном заседании обсудили решения четвертого сенатского департамента, и утвердило его в качестве постановления. Текст его получили в Тифлисской палате уголовного и гражданского суда, а также в Горийском уездном суде. Дело в том, что решения этих судебных инстанций по поводу крепостной зависимости осетин Южной Осетии от князей Мачабеловых, были признаны неправомерными, и, стало быть, нужно было их отменить. В конце концов, после многочисленных испытаний крестьяне Южной Осетии получили долгожданную свободу лишь 12 сентября 1852 г., когда Сенат Российской империи снова подтвердил предыдущую процедуру прохождения «дело об отыскании свободы» крестьян Южной Осетии и отказа князьям Мачабеловым в домогательстве о признании их прав над осетинами в качестве их крепостных крестьян. Тогда же было принято распоряжение, чтобы постановление Сената направить Горийскому уездному суду [7, фонд Кавказского комитета, д. №844, л. 70]. Фактически именно это событие, имевшее место 12 сентября 1852 г. в столице Российской империи, положило конец домогательствам грузинских князей над осетинскими крестьянами Южной Осетии. Укажем и то, что 8 июня 1852 г. Император Николай I подписал Указ о том, что крестьяне Южной Осетии по законам Российской империи не признаются в качестве крепостных крестьян за грузинскими князьями. Таким образом, на самом высоком уровне в Российской империи крестьяне Южной Осетии могли свободно вздохнуть, т.к. окончательно освободились от зависимости князей Мачабеловых. Это касалось семи ущелий Южной Осетии, где компактно, в качестве коренных народов, издревле проживали южные осетины.

Список источников

1. Очерки истории Юго-Осетинской автономной области. Т. 1 (история южных осетин до образования ЮОАО). Тбилиси, 1985.
2. Оккупация и фактическая аннексия Грузии. О политической и правовой оценке нарушений Договора между Грузией и Советской Россией от 7 мая 1920 г. (Документы и материалы). Тбилиси, 1990.
3. Вахушти. Описание царства грузинского. Тбилиси, 1941.
4. Советская Историческая Энциклопедия (в 12-и томах). М., 1962, т. 2.
5. Очерки истории Юго-Осетии. том 1. Цхинвали – 1969.
6. Цагарели А. Грамоты и другие исторические документы XVIII века, относящиеся к Грузии. СПб., 1891. Том 2.
7. Центральный Государственный Архив Республики Грузия (в дальнейшем ЦГА РГ). Ф. 1448, д. 4273, л.180.
8. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис. 1866. Т. II.
9. Институт рукописей Академии Наук Грузии. Фонд Hd, док. 647.
10. Бахтадзе И.А. Податное обложение государственных крестьян Закавказского края. Тифлис. 1877.
11. Коста Хетагуров. Полное собрание сочинений в пяти томах. Том четвертый. Владикавказ, 2000.

12. Гвритишвили Д.В. Из истории социальных отношений позднефеодальной Грузии. Тбилиси, 1961.
13. Блиев М. М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. М., 2006.

References

1. *Essays on the history of the South Ossetian Autonomous Region* T. 1 (the history of the southern Ossetians before the formation of the South Ossetian Autonomous Region). Tbilisi; 1985. (In Russ.)
2. *Occupation and de facto annexation of Georgia. On the political and legal assessment of violations of the Treaty between Georgia and Soviet Russia of May 7, 1920* (Documents and Materials). Tbilisi; 1990. (In Russ.)
3. Wahushti. *Description of the Georgian kingdom*. Tbilisi; 1941. (In Russ.)
4. *Soviet Historical Encyclopedia (in 12 volumes)*. Moscow; 1962. Vol. 2. (In Russ.)
5. *Essays on the history of South Ossetia*. Volume 1. Tskhinvali; 1969. (In Russ.)
6. Tsagareli A. Letters and other historical documents of the 18th century related to Georgia. St. Petersburg; 1891. Volume 2. (In Russ.)
7. Central State Archive of the Republic of Georgia (hereinafter TsGA RG). F. 1448, d. 4273, l. 180.
8. Acts of the Caucasian Archaeographic Commission. Tiflis; 1866. T. II.
9. Institute of Manuscripts of the Academy of Sciences of Georgia. Hd Foundation, doc. 647.
10. Bakhtadze I. A. *The taxing of state peasants of the Transcaucasian Territory*. Tiflis; 1877.
11. Costa Khetagurov. *Complete works in five volumes*. Volume Four. Vladikavkaz, 2000. (In Russ.)
12. Gvritishvili D. V. *From the history of social relations of late feudal Georgia*. Tbilisi; 1961. (In Russ.)
13. Bliiev M. M. *South Ossetia in conflicts of Russian-Georgian relations*. Moscow; 2006. (In Russ.)

Информация об авторе

В. Д. Дзидзоев – докт. ист. наук, проф., зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета (Горский государственный аграрный университет).

Information about the author

V. D. Dzidzoev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of law (Gorsky State Agrarian University).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 22.06.2022; одобрена после рецензирования 03.07.2022; принята к публикации 04.07.2022.

The article was submitted 22.06.2022; approved after reviewing 03.07.2022; accepted for publication 04.07.2022.